

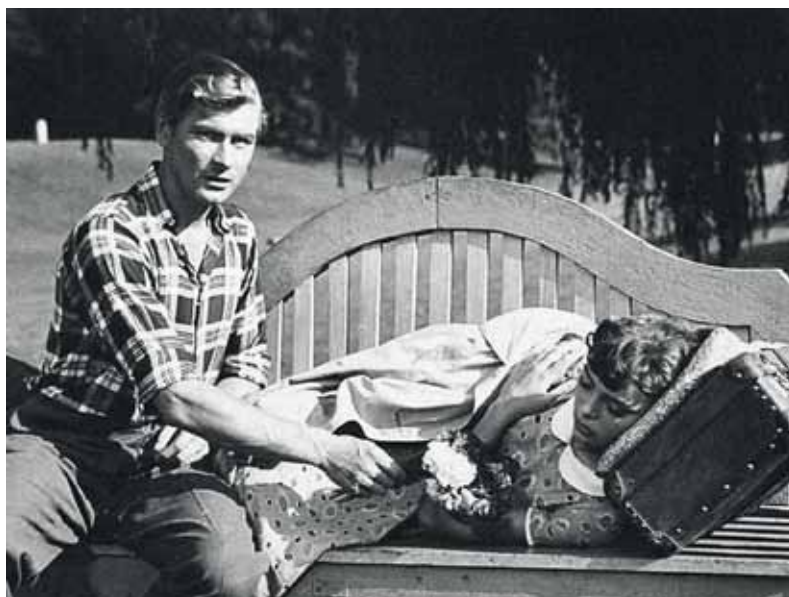
Польское зазеркалье

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

О ФИЛЬМЕ «ЕВА ХОЧЕТ СПАТЬ»

«НЕТ! Бандита из Лёлека не получится!». Чудная фраза — так и хочется спросить: а из Болека? — эпиграф к фильму Тадеуша Хмелевского, «чуду в перьях», диковинке, которую вертишь в руках, пытаешься разобрать, а то и разломать, но так и не понимаешь, как она устроена и как вообще возможна. Изумление не проходит на всем протяжении фильма. От пролога: чумазые и злые мужчины колотят друг друга — чуть ли не из спортивного интереса — в мутных переулках дубинами по головам. До последних секунд: Хмелевский, доведя действие до пароксизма, нагло выскакивает из ловушки, в которую загнал сюжет, так же как Луи Маль в шедевре абсурда «Зази в метро» (1960). Нагло, но «по Станиславскому»: если кто-то утопил ручную гранату в банке с солеными огурцами, в финале она непременно взорвется. Вообще, «Ева» — самый французский из нефранцузских фильмов, руководствующийся логикой анархистского сюрреализма, скажем, Жака Превера. Что, например, делать, если катафальщик смертельно пьян? Конечно, засунуть его в катафалк, к покойнику. Когда — не скоро — дверца катафалка откроется, оттуда выбежит стая собак. Но мы-то — Матка Боска Ченстоховска! — не в Париже, а в «народной Польше». Польское кино конца 1950-х — что о войне, что о современности — пляска смерти, депрессивная, алкогольная и суицидная. Но завязка «Евы» сулит кое-что страшнее: комсомольскую комедию об отдельных, неизжитых проявлениях буржуазного равнодушия к молодому специалисту. Ева (Барбара Квятковская) приезжает в уездный город — учиться в техникуме. Общежитие, однако, откроется завтра, сторож-старикан не в себе, на дворе темно, а спать Еве еще как хочется. Сама-то она, действительно, большеглазая комсомолка, не замечающая, мягко говоря, странностей мира, в который провалилась, как Алиса в нору. Даже пресловутую гранату в своей сумочке не замечает. В общем, Еве не смежить очи ни в тюремной камере, ни в оружейной комнате полицейского участка. Не потому, что, скажем, общежитие ткацкой фабрики, куда ее отвел добрый полицейский

ЕВА — БОЛЬШЕГЛАЗАЯ КОМСОМОЛКА, НЕ ЗАМЕЧАЮЩАЯ СТРАННОСТЕЙ МИРА, В КОТОРЫЙ ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК АЛИСА В НОРУ

Петр (Станислав Микულский), забито любовниками ткачих. Они и в шкафах сидят, и в люльках маляров за окном висят, и делают вид, что без штанов только потому, что среди ночи занимаются физкультурой, и чуть ли не из кастрюль выглядывают. Просто на Еву пало то же заклятие, что падет на солидных господ, которым никак не поужинать, в «Скромном обаянии буржуазии» (1977) Луиса Бунюэля. Городок же, где ей предстоит учиться, в лучшем случае побратим фантастического Лондона из «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта. Проститутка здесь, правда, всего одна, по кличке Красивая Леня. Население делится на две главные социальные группы. Полицейские, измученные собственным идиотизмом, и мазурики: кстати, единственное учебное заведение, которое здесь работает

круглосуточно, — это воровские курсы, где преподаватели, как ни быются, не могут научить Лёлека грамотно продать кирпич одинокому прохожему. Ева, кстати, освоит эту науку с первого раза. Некоторые бандиты щеголяют в котелках, некоторые переодеты в полицейских. Когда на экране светает, с сожалением думаешь: ну, вот, сейчас армия ночи рассеется. Но при солнечном свете бандитов становится в разы больше. Между полицейскими и ворами еще как-то выживают считанные честные граждане с постоянно выпученными от ужаса глазами. Но сам этот ужас — очень уютный, кукольный. Было бы смертельно обидно, если бы в этом вертепе добро победило зло, но авторы благородно избавили зрителей от такого циничного «хеппи-энда».

Ewa chce spać, 1958